

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2022.1.33.6

УДК 316.4.06 | ББК 60.54

© **Вяльшина А.А.**

ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ НАСЕЛЕНИЕМ РОССИИ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ, ВОЗРАСТНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

АННА АЛЕКСАНДРОВНА ВЯЛЬШИНА

Институт аграрных проблем

ФИЦ Саратовский научный центр Российской академии наук

Саратов, Российская Федерация

e-mail: anvyal@mail.ru

ORCID: [0000-0001-6723-5961](https://orcid.org/0000-0001-6723-5961); ResearcherID: [V-5999-2018](https://orcid.org/V-5999-2018)

В статье представлен анализ пространственных, возрастных и гендерных различий в потреблении алкоголя населением страны. На базе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения за 1994–2019 гг. выявлен резкий скачок удельного веса потреблявших алкоголь во всех типах населенных пунктов в 2006 году, обусловленный ростом платежеспособного спроса. Показано, что горожане употребляют водку чаще, но в меньших разовых порциях по сравнению с жителями других населенных пунктов. Потребление самогона выше в малых городах и селах, где его пьют чаще и в больших разовых порциях. Чем меньше населенный пункт, тем больше за рассматриваемый период вырос удельный вес женщин, употреблявших алкоголь (от 33,4% в городах до 49,6% в поселках городского типа и 54,7% на селе). Доля выпивающих мужчин в городе выросла на 7,0%, на селе – сократилась на 4,8%. Возрастные особенности потребления связаны с преобладанием потребления пива и вина среди молодежи 18–25 лет с постепенным ростом удельного веса водки и самогона по мере увеличения возраста. Отмечено снижение возраста первой пробы алкоголя в каждом последующем поколении. Показано, что молодежь 18–25 лет чаще употребляет алкогольные напитки на улице, в парках и барах, зачастую до еды и без еды, в то время как лица более старшего возраста – дома и/или в гостях и во время еды. Выявлены основные модели потребления алкоголя («на радостях» и «с горя») и их гендерные особенности в населенных пунктах разной людности. Полученные результаты могут служить основой для дифференциации мер борьбы с злоупотреблением алкоголя, нацеленных на различные социально-демографические группы населения.

Потребление алкоголя, пространственные различия, возрастные группы, гендерные различия, удовлетворенность жизнью.

Благодарность

Исследование осуществлялось при поддержке РФФИ в рамках проекта «Моделирование факторов ожидаемой продолжительности жизни сельского населения России: оценка межрегиональных различий» (проект № 19-010-00229).

Введение

Злоупотребление алкоголем является причиной множества физических и психических расстройств (сердечно-сосудистых заболеваний, повреждения поджелудочной железы, печени, почек, иммунной и репродуктивной систем, депрессии), обуславливающих низкий уровень субъективного благополучия. Регулярное потребление алкоголя может привести к инвалидности и даже преждевременной смертности в более раннем возрасте. По данным ВОЗ, среди людей 20–39 лет примерно 13,5% всех случаев смерти связаны с алкоголем¹. Помимо ущерба здоровью злоупотребление алкоголем вызывает многочисленные социальные проблемы, связанные с ростом агрессии и потери самоконтроля, насилия, несчастных случаев, дорожного травматизма, что отражается на людях, не употребляющих алкоголь, особенно из близкого окружения. Кроме того, злоупотребление алкоголем оборачивается ростом издержек для здравоохранения. Последствия для здоровья и благополучия сильнее затрагивают социальные группы, находящиеся в менее благоприятном положении, и способствуют нарастанию территориальных, региональных и даже межстрановых различий в состоянии здоровья населения. Во многих странах растущую обеспокоенность вызывает вредное употребление алкоголя молодыми людьми и женщинами.

Многие зарубежные исследователи сходятся во мнении, что употребление алкоголя имеет тонкую и неоднозначную взаимосвязь с благополучием. С одной стороны, разумное употребление выполняет определенные психологические функции (наслаждение вкусом напитков, расслабление, улучшение настроения), а также решает некоторые соци-

альные задачи (облегчение контакта с другими людьми, празднование важных дат и событий, интеграция в локальное сообщество). Некоторые исследователи считают, что «умеренное» употребление алкоголя положительно, а «чрезмерное» – отрицательно коррелирует с благополучием (Massin, Kopp, 2014; Rehm et al., 2004). С другой стороны, очевидны разрушительные последствия чрезмерного употребления алкогольных напитков для здоровья и психики человека.

Несмотря на сокращение потребления алкоголя в отдельных социально-демографических группах населения России, удельный вес выпивающих остается высоким (Гремченко, Рощина, 2016; Рощина, 2019). Для борьбы со злоупотреблением алкоголем необходимо изучить основные тенденции, связанные с отдельными группами населения, гендерными, возрастными и пространственными различиями. Полученные данные будут способствовать лучшему пониманию мотивов людей, употребляющих алкоголь, зависимости их формирования от образа и стиля жизни, обусловленных локальным окружением, и барьеров на пути отказа от потребления. Результаты подобных исследований позволят повысить эффективность разработки и реализации мер для сокращения потребления алкоголя за счет учета специфических особенностей потребления различными группами населения.

Целью исследования является анализ пространственных, возрастных и гендерных особенностей потребления алкогольных напитков населением России. Объект исследования – жители России в возрасте от 18 лет и старше, указавшие, что за последние 30 дней, предшествовавшие опросу, употребляли какие-либо алкогольные напитки. Предмет исследования – особенности употребления

¹ Глобальный доклад: Алкоголь и здоровье, 2018 год. URL: <https://whodc.mednet.ru/ru/osnovnye-publikaczii/alkogolizm-i-zloupotreblenie-narkoticheskimi-sredstvami-narkomaniya/alkogolizm/3050.html>

алкогольных напитков в населенных пунктах разной людности (крупные города, малые города, села), разными возрастными (молодежь, взрослые, старшее поколение) и гендерными (мужчины и женщины) группами. Основные задачи: 1) выявление динамики потребления алкоголя с 1994 по 2019 год в разрезе типов населенных пунктов и видов алкогольных напитков, а также анализ гендерных различий потребления; 2) исследование возрастных особенностей потребления алкоголя и обусловленных ими различий в моделях и культуре потребления алкогольных напитков; 3) анализ гендерных различий в употреблении алкоголя в зависимости от удовлетворенности жизнью.

Ключевой гипотезой выступает предположение о том, что потребление алкоголя различается в зависимости от пола, возраста и места проживания. Возрастные особенности потребления алкоголя связаны с различиями в предпочтениях относительно типа напитка, а также в моделях и культуре потребления. Гендерные особенности обусловлены в числе прочего уровнем удовлетворенности жизнью, от которого зависит интенсивность потребления. Место проживания индивида порождает пространственные различия потребления алкогольных напитков на основе формирования того или иного образа, стиля и качества жизни, вытекающих в различные модели потребления алкоголя. Тип населенного пункта, в котором проживает человек, с одной стороны, определяет индивидуальные возможности (систему жизненных ценностей, мотивационно-достиженческие характеристики, установки и предпочтения, обуславливающие в совокупности тот или иной уровень накопленного человеческого капитала), а с другой стороны – объективную среду их реализации (уровень экономического развития территории, доступность качественных услуг образования и здравоохранения, качество окружающей среды, развитость локальных рынков труда,

наличие свободных рабочих мест для лиц с разными социально-демографическими характеристиками и трудовыми предпочтениями и т. п.).

Методы исследования

Информационную базу исследования составляют результаты «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (1994–2019 гг.)². Анализ многомерных распределений ответов респондентов проводился с использованием пакета статистической обработки данных SPSS 17.0.

Результаты исследования

Анализ полученных данных позволяет отметить схожие тренды потребления алкогольных напитков за последние 30 дней, предшествующие опросу, в разных типах поселений. Общей тенденцией является сокращение потребления с 1994 по 2005 год, затем резкий скачок в 2006 году, а затем опять сокращение (рис. 1). Вероятным объяснением резкого роста потребления алкогольных напитков вне зависимости от места проживания в 2006 году выступает стабильный рост уровня жизни и доходов населения в 2003–2007 гг., обусловивший увеличение платежеспособного спроса на алкоголь и простимулировавший прирост его производства. Статистика ВОЗ подтверждает эти данные, указывая на максимальные объемы потребления в России в 2007 году³.

После спада потребления алкоголя в России в 2016–2019 гг., даже таких популярных напитков, как пиво и водка, в 2020 году продажи алкогольных напитков показали наибольший прирост за последнее пятилетие – на 2,7% относительно предыдущего года⁴. Пандемия коронавируса скорректировала прежние тенденции, в основном из-за карантинных ограничений. Самоизоляция вначале воспринималась многими гражданами как внеочередной отпуск, возможность

² URL: <http://www.hse.ru/rlms>

³ Global Information System on Alcohol and Health Recorded. Alcohol per capita consumption, 2000–2009 by country. URL: <https://apps.who.int/gho/data/node.main.A1026?lang=en>

⁴ В 2020 году продажи алкогольных напитков в России выросли на 2,7% и составили 12,3 млрд л. URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/12640>

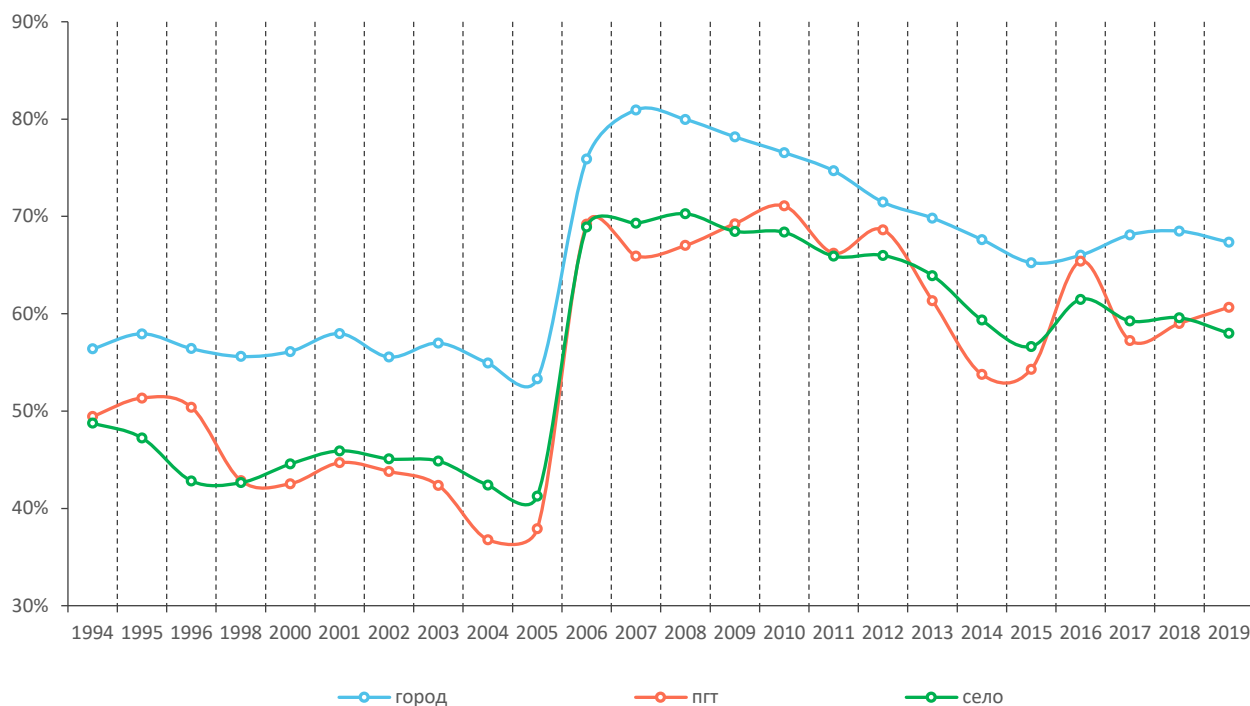

Рис. 1. Динамика употребления алкогольных напитков в зависимости от места проживания респондентов, % от числа опрошенных

расслабиться и отдохнуть. Россияне массово запасались едой и напитками (алкогольными в том числе). Введенные ограничения на поездки вынудили население оставаться дома и приобретать алкоголь, который прежде покупали за границей, на внутреннем рынке. Кроме того, переход на удаленный режим работы позволил россиянам немного выпивать даже в рабочие дни на фоне длительного отсутствия других развлечений. По данным Обзора российского рынка алкогольной продукции в 2020 году в результате пандемического роста потребления прирост продаж ликероводочных напитков крепостью свыше 25° вырос на 17,5% по сравнению с аналогичным периодом 2019 года; слабоалкогольных напитков до 9% – на 21,9%; пива – на 7,5%, пивных напитков – на 5,3%; игристых вин – на 8,2%, столовых вин – на 6,4%, водки – на 2,2%⁵. Отмеченные тенденции во время пандемии COVID-19 характерны и для других стран. Например, потребление алкоголя во время «локдауна» выросло на 22,2% в Ирландии, на 24,8% – во Франции, на 38,3% –

в Великобритании (Reynolds et al., 2020; Rolland et al., 2020; Jackson et al., 2020). Большинство ученых сходятся во мнении, что факторы и особенности изменения потребления алкоголя в период пандемии требуют дальнейших глубоких исследований. Однако внимание акцентируется на более частом росте потребления, нежели на сокращении, обусловленном психологическим стрессом и социально-экономическими факторами (риск потери работы и/или безработица, удаленная занятость, стресс от самоизоляции). Органы государственной власти должны учитывать изменения в потреблении алкоголя и разрабатывать меры по сокращению его влияния на различные социально-демографические группы населения.

Полученные нами данные позволяют выявить различия между динамикой потребления алкоголя в 1994–2019 гг. жителями населенных пунктов разной людности. Во-первых, за весь рассматриваемый период уровень потребления алкогольных напитков в городах был выше по сравнению с

⁵ Обзор российского рынка алкогольной продукции. Информационный обзор Аналитического центра при Правительстве РФ. IV квартал 2020 г. С. 5–12. URL: <https://ac.gov.ru/publications/topics/topic/13658>

другими населенными пунктами (см. рис. 1). Во-вторых, уровень потребления алкоголя жителями поселков городского типа оказался наименьшим по сравнению с городом и селом в 2000–2005, 2007–2008 и 2013–2015 гг. В кризисный 1998 год потребление алкоголя в малых городах не выросло в отличие от села и города, а в 2007–2010 гг. отмечено бурным ростом, равно как и в 2016 году. В-третьих, малые города характеризуются наибольшим приростом удельного веса потреблявших алкогольные напитки за 1994–2019 гг. (на 22,7%), крупные города – на 19,4%, сельская местность – на 18,9%. Таким образом, в периоды экономического кризиса (1998, 2008–2009, 2011 гг.) не отмечен значительный всплеск потребления алкоголя, более заметным является тренд на скачок потребления во время экономического подъема (как, например, в 2006 году накануне кризиса 2008–2009 гг.).

Результаты проведенного исследования показывают, что горожане употребляют водку чаще, но в меньших разовых порциях по сравнению с жителями других населенных пунктов (табл. 1). Среднее количество дней потребления водки в городе составляет 3,3 дня в месяц при средней разовой порции 248,3 мл, в то время как в сельской местности жители пьют водку в среднем 3,1 дня в месяц по 280 мл за раз. Потребление самогона выше в малых городах и селах: в поселках городского типа употребляют самогон чаще (в среднем 5,8 дня в месяц) по 296,4 мл, в то время как на селе реже (4,2 раза в месяц), но в больших объемах (306,8 мл).

Гендерные различия в динамике потребления заключаются в следующем. За рас-

сматриваемый период в городе и мужчины, и женщины характеризуются более высоким уровнем потребления алкогольных напитков по сравнению с другими видами поселений (рис. 2, 3). Среди мужчин минимальные доли потреблявших алкоголь отмечены в малых городах (за исключением 2009–2010 и 2016 гг.), среди женщин – в сельской местности (до 2005 года, затем в 2016–2019 гг.) и в малых городах в 2013–2015 гг. Уровень потребления алкоголя мужчинами за 1994–2019 гг., несмотря на колебания, в целом остался приблизительно таким же: удельный вес потреблявших алкогольные напитки в поселках городского типа вырос на 1,5%, в городах – на 7,0%, в то время как на селе даже сократился на 4,8%. При этом отмечен существенный рост потребления среди женщин, причем темпы прироста увеличиваются по мере уменьшения размеров населенного пункта. Прирост удельного веса употреблявших алкогольные напитки женщин в городах за 1994–2019 гг. составил 33,4%, в поселках городского типа – 49,6%, на селе – 54,7%.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о различиях в потреблении отдельных напитков жителями населенных пунктов разной людности. Во-первых, выявлен преобладающий тип потребляемых напитков. Городские жители чаще населения сел и поселков употребляют сухие вина, шампанское, коньяк, виски, то есть дорогие и качественные алкогольные напитки. Первенство в употреблении пива и водки город держал до 2005–2007 гг., уступив позднее селу. После 2007 года употребление водки в городе является минимальным по сравнению с другими

Таблица 1. Средние значения частоты и объема разового потребления водки и самогона по самооценке респондентов в зависимости от места проживания

	Сколько граммов водки или других крепких напитков Вы обычно выпивали за день?	Сколько дней в месяц пили водку или другие крепкие напитки?	Сколько граммов самогона Вы обычно выпивали за день?	Сколько дней в месяц пили самогон?
Город	248,3	3,3	277,7	3,9
Пгт	253,1	3,1	296,4	5,8
Село	280,1	3,1	306,8	4,2

Источник: здесь и далее данные РМЭЗ (1994–2019 гг.).

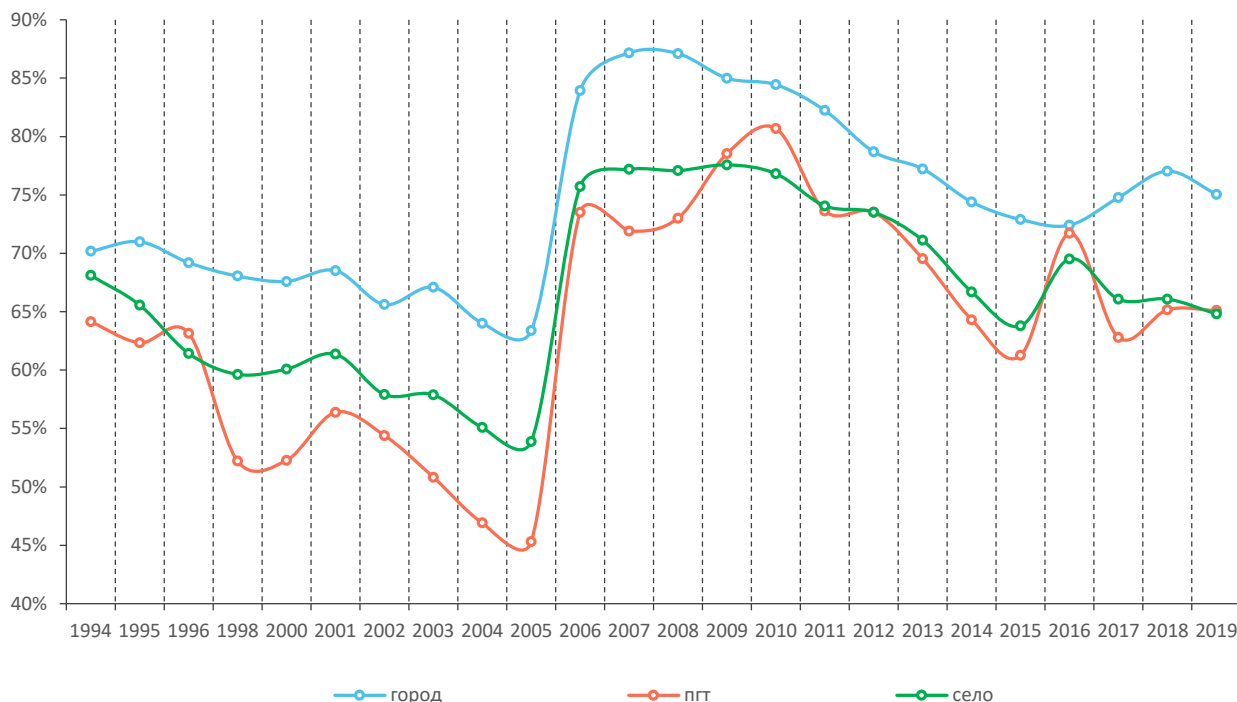

Рис. 2. Динамика употребления алкогольных напитков мужчинами в зависимости от места проживания, % от числа опрошенных

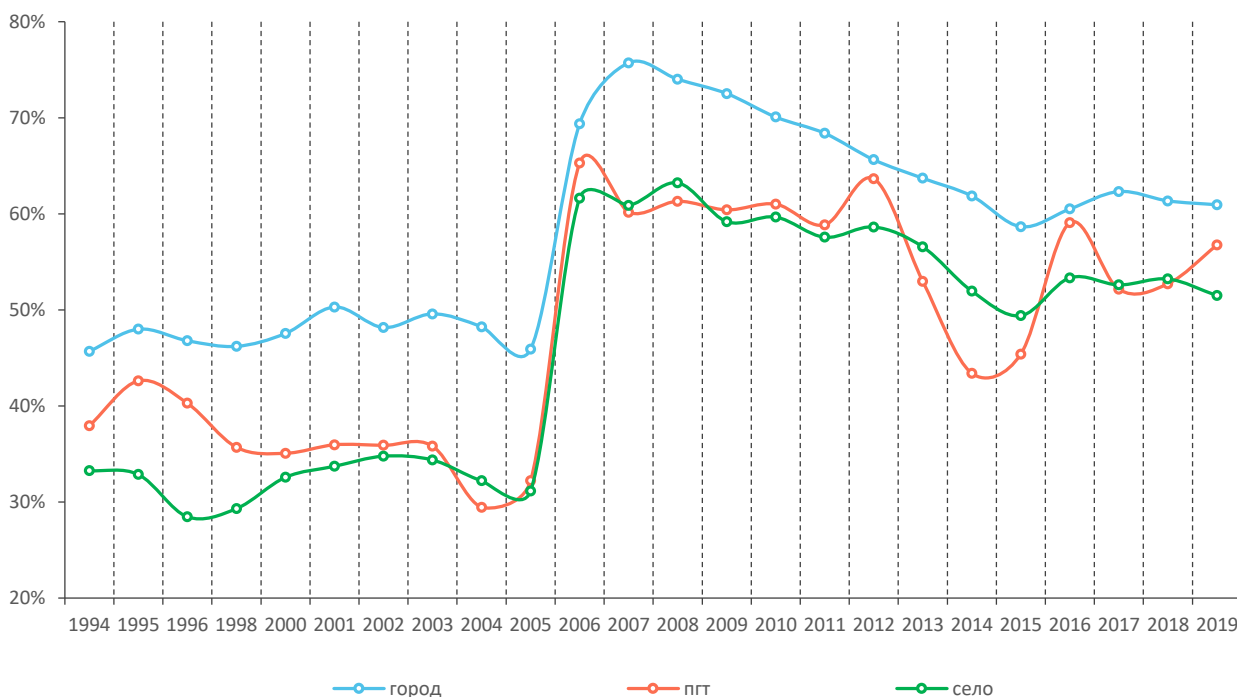

Рис. 3. Динамика употребления алкогольных напитков женщинами в зависимости от места проживания, % от числа опрошенных

населенными пунктами, при этом наметился плавный рост потребления самогона (с 2,7% в 2012 году до 6,4% в 2019 году). Отчасти это связано с возросшим интересом горожан к так называемому «экологически чистому потреблению», связанному с расширением

рынка приспособлений для индивидуального производства алкоголя (самогонные аппараты, дистилляторы, мини-пивоварни, приспособления для виноделия и др.).

Начиная с 2006 года село обгоняет остальные населенные пункты по потре-

нию пива; в 2000 году достигнут максимум потребления самогона сельскими жителями, которое затем в динамике сокращается, но оставляет село на лидирующих позициях. Кроме того, с 2011 по 2019 год сельчане обогнали горожан по потреблению водки. Для малых городов характерен периодический скачкообразный рост потребления крепленых вин (портвейнов) (в 2001 году, 2003–2005 гг., в 2009, 2015, 2019 гг.), связанный, вероятнее всего, с периодами социально-экономической нестабильности в стране. Жители поселков употребляют больше самогона, чем горожане, но меньше по сравнению с сельчанами, хотя в отдельные периоды (2007 и 2013 гг.) потребление самогона в малых городах также увеличивается. Таким образом, можно сделать вывод о существовании особенностей в потреблении алкоголя жителями различных населенных пунктов по преобладающему типу алкогольных напитков: если городские жители склонны потреблять более качественные и дорогие напитки (сухие и игристые вина, вермуты, коньяки и виски), то жители малых городов чаще употребляют портвейны и самогон, в то время как в сельской местности – пиво, самогон и водку (более дешевые и опасные для здоровья напитки).

Возрастные различия

Профилактика злоупотребления алкоголем в основном ориентирована на молодежь, однако люди среднего и особенно пожилого возраста чаще характеризуются более интенсивным потреблением алкогольных напитков, чаще имеют серьезные последствия для здоровья и, как следствие, обуславливают повышенную нагрузку на систему здравоохранения. Причем данный тренд наблюдается во многих странах (Veerbeek et al., 2019). Эксперты подтверждают, что пожилой возраст связан с более частым употреблением алкоголя, но в меньших разовых количествах, особенно в странах с высоким уровнем дохода. В государствах со средним уровнем дохода представители старшего поколения выпивали реже, но больше за один раз. Некоторые исследователи опасаются глобальной «нормализации» потребления

алкоголя в обществе (превращения в социальную норму) на фоне тренда роста рискованного его потребления вне зависимости от пола и возраста (Chaiyasong et al., 2018). Возраст чаще всего обуславливает различия в мотивах потребления алкогольных напитков, что определяет дифференциацию моделей и культуры потребления. Главными мотивами потребления алкоголя для молодежи являются повышение настроения, снижение напряженности, усиление психологической адаптации, соответствие нормам молодежного сообщества, а также приятное и веселое времяпровождение в компании (Kuntsche, 2005; Sather et al., 2019).

При переходе от подросткового возраста к взрослой жизни социальные ожидания, роли и отношения индивидов претерпевают значительные изменения. Подростки проводят меньше времени с семьей и больше со сверстниками, и этот возраст традиционно рассматривается как время усиления влияния сверстников по сравнению с родителями. В позднем подростковом возрасте многие начинают учиться в колледжах и университетах, зачастую уезжают из родного города, чтобы жить самостоятельно. Исследования показывают, что социальные представления сверстников сильно влияют на поведение студентов в отношении употребления алкоголя, и зачастую большинство молодых людей называют социальные мотивы употребления алкоголя (LaBrie et al., 2007). Новоиспеченные студенты указывают, что алкоголь играет центральную роль в знакомстве друг с другом, при этом многие считают, что употребление алкоголя является неотъемлемой частью общественной жизни учебного заведения.

Старшее поколение неоднородно по своим взглядам, убеждениям, состоянию здоровья, достигнутому образу и стилю жизни. Анализ мотивов и моделей потребления алкоголя лицами старшего поколения свидетельствует о двух противоположных тенденциях. Во-первых, наблюдается значительная доля тех, кто отказывается от его употребления из-за состояния здоровья. Люди в этом возрасте подвержены большему риску

вреда для здоровья из-за физиологических изменений, связанных со старением, хроническими заболеваниями или слабостью, риском взаимодействия алкоголя с лекарствами, несчастными случаями (падением, травмами и т. д.). Кроме того, на сегодняшний день активно набирает обороты стремление представителей старшего поколения к «здоровому старению», связанному с внимательным отношением к своему здоровью, ведением здорового образа жизни и профилактикой вредных привычек. Основными мотивами отказа от потребления алкоголя или его ограничения в пожилом возрасте являются неблагоприятные последствия для организма и тела. С другой стороны, с возрастом растет удельный вес рискованного потребления алкоголя. Большинство представителей этой группы начали употреблять алкогольные напитки раньше на протяжении жизни, а затем либо отказались (или сократили потребление), либо продолжили выпивать (Kelly et al., 2018). Потребление алкогольных напитков в пожилом возрасте во многих исследованиях связывается с социальной жизнью и повышением социальной активности, ассоциируется с весельем и удовольствием, «это то, чем можно наслаждаться с другими» (Dare et al., 2014). Алкоголь часто используют в особых случаях или в качестве угощения, например, ужин с вином хорошего качества, чтобы привнести что-то особенное в этот день, в качестве вознаграждения после завершения какой-то работы. Распространенным мотивом потребления алкоголя являются установки и социальные нормы ближайшего окружения. Например, люди склонны перенимать или разделять алкогольные привычки своего партнера, членов семьи или сверстников. Употребление алкоголя часто определяется как привычка или часть обычного распорядка дня, например, выпивка по вечерам (Burruss et al., 2015). В других исследованиях потребление алкоголя рассматривается как возможность решения негативных проблем, преодоления жизненных трудностей: одиночество, болезнь партнера, окончание отношений, тягелая утрата, потеря физического здоровья

или подвижности (Wilson G. et al., 2013). Эти события в жизни человека с высокой вероятностью будут связаны с периодами более интенсивного или менее контролируемого употребления алкоголя, а также со скрываемым употреблением алкоголя или выпивкой в одиночку. Таким образом, различия в мотивах потребления алкоголя в разных возрастных группах обуславливают разные модели и культуру потребления.

Анализ возрастных различий в потреблении алкогольных напитков жителями разных населенных пунктов показывает, что для разных возрастных групп (подростков, молодежи, взрослых, пожилых) существуют разные типы потребления: различается как вид преобладающего напитка, так и уровень его потребления.

Молодежь 18–25 лет больше остальных возрастных групп употребляет пиво (от 61,7% в малых городах до 75,8% в сельской местности; *рис. 4*). В два раза реже они пьют водку (от 31,3% в поселках до 36,9% на селе). Городская молодежь чаще остальных употребляет сухие и игристые вина (29,8% по сравнению с 17,9% на селе). Молодые жители малых городов чаще остальных пьют крепленые вина (портвейны) (9,1%), а также коньяк и виски (22,6%). Среди сельской молодежи максимальная доля тех, кто употребляет самогон (9,2% по сравнению с 2,7% в составе городской молодежи).

В возрастной группе взрослых (26–45 лет) происходит незначительное сокращение потребления пива (по сравнению с молодежью 18–25 лет), хотя его потребление остается на первом месте. При этом отмечается существенный рост потребления водки (на 15–16%) независимо от места проживания (в малых городах – 47,2%, в крупных городах – 49,6%, на селе – 52,5%; *рис. 5*). Вина, коньяк и виски больше потребляются лицами 26–45 лет в городах (почти на уровнях потребления молодежи), однако увеличивается потребление самогона пропорционально во всех населенных пунктах (от 4,9% в городах до 15,0% в сельской местности).

Характер потребления алкогольных напитков в возрастной группе 46–60 лет ме-

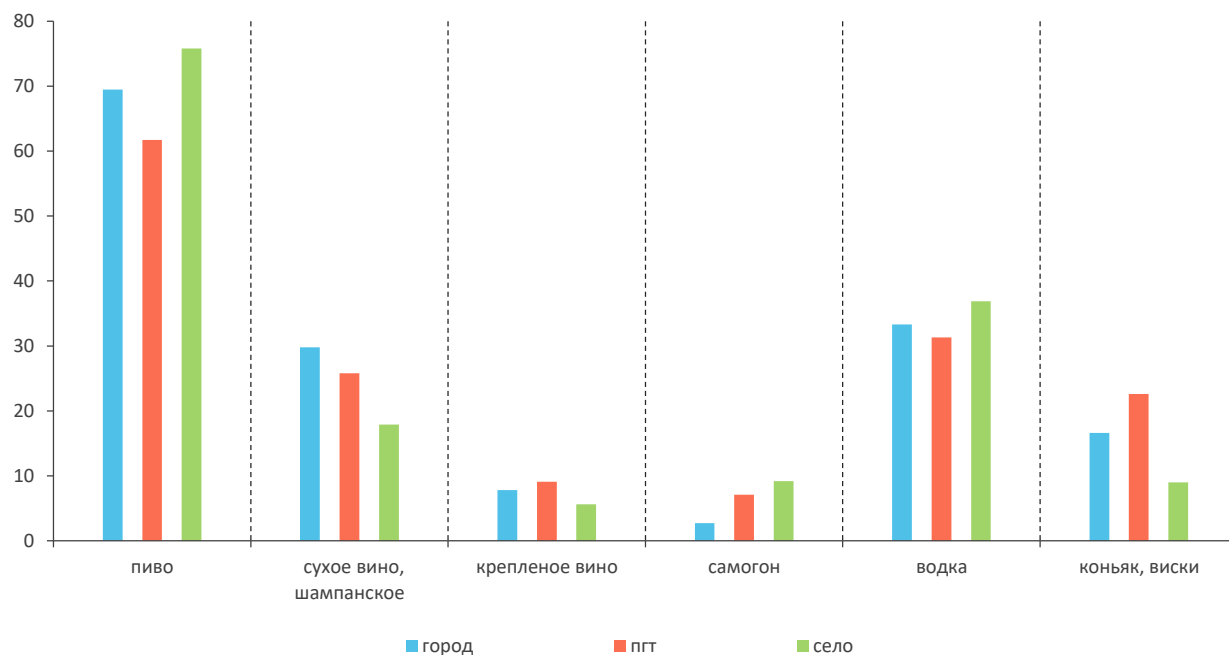

Рис. 4. Различия в потреблении алкогольных напитков лицами 18–25 лет в зависимости от места проживания, % от числа респондентов соответствующей группы

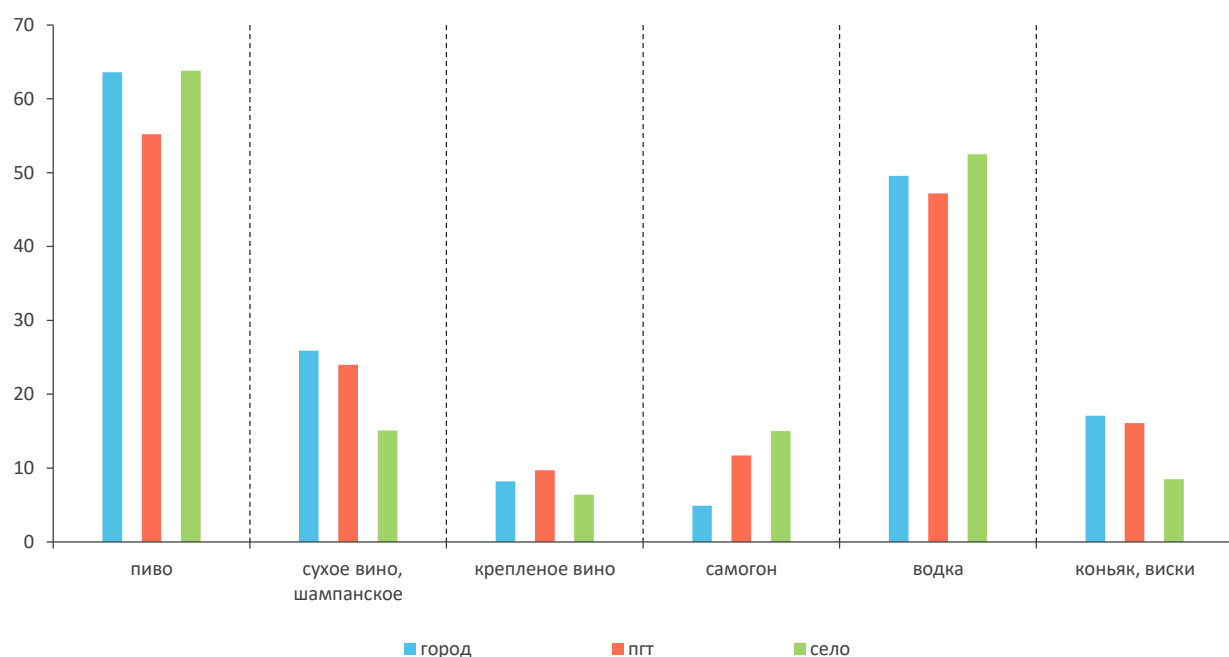

Рис. 5. Различия в потреблении алкогольных напитков лицами 26–45 лет в зависимости от места проживания, % от числа респондентов соответствующей группы

няется в сторону существенного сокращения потребления пива (приблизительно на 20,0% по сравнению с возрастной группой 26–45 лет) и «выхода» на первое место водки (рис. 6). В этом возрасте водку пьют от 54,7% жителей малых городов до 59,5% сельчан. Кроме того, растет потребление самогона:

6,1% горожан, 15,1% лиц, проживающих в поселках, и 18,8% сельчан. Потребление вин, коньяков и виски незначительно сокращается по сравнению с возрастной группой 26–45 лет.

Потребление алкоголя в пенсионном возрасте окончательно смещается в сторо-

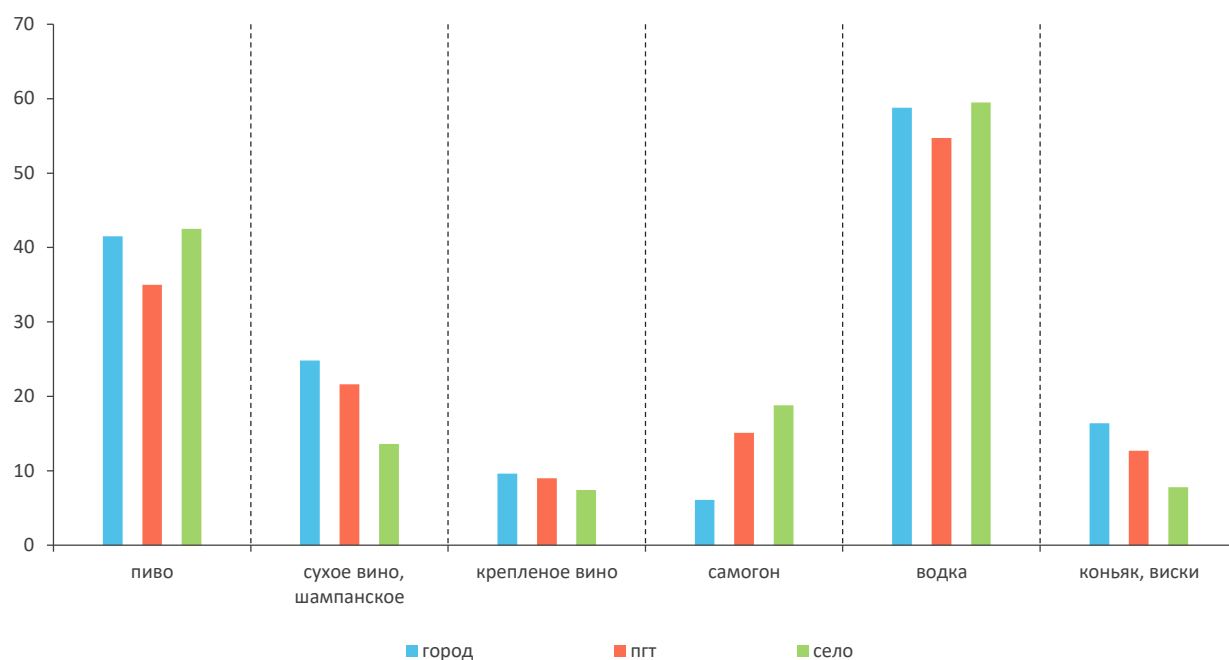

Рис. 6. Различия в потреблении алкогольных напитков лицами 46–60 лет в зависимости от места проживания, % от числа респондентов соответствующей группы

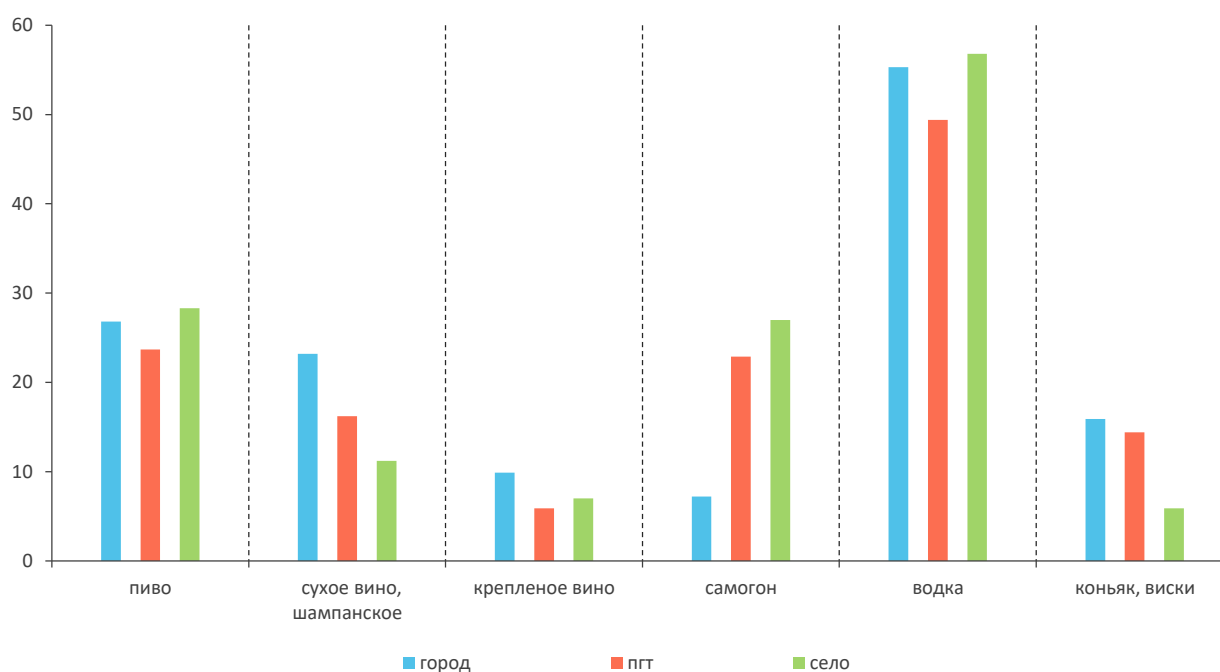

Рис. 7. Различия в потреблении алкогольных напитков лицами старше 60 лет в зависимости от места проживания, % от числа респондентов соответствующей группы

ну преобладания потребления водки (рис. 7). Хотя удельный вес потребляющих водку в этом возрасте немного сокращается по сравнению с предыдущей возрастной группой, все же удельный вес потребления других напитков резко уменьшается.

Потребление пива и вина падает до минимальных значений среди всех возрастных групп, коньяка и виски – держится приблизительно на таком же уровне в городах (как крупных, так и малых), сокращаясь в сельской местности.

Одной из важных характеристик культуры потребления алкоголя является возраст респондентов, когда они впервые попробовали алкогольный напиток. Полученные результаты свидетельствуют, что жители городов раньше пробуют алкоголь во всех рассматриваемых возрастных когортах по сравнению с жителями других населенных пунктов. Кроме того, с каждым поколением «молодеет» средний возраст первой пробы. Если горожане старше 60 лет впервые попробовали алкоголь в 18,4 года, жители поселков – 18,8, то сельчане этого возраста – в 19,1 года. Представители молодежи 18–25 лет указывают, что в среднем впервые попробовали алкоголь в 15,9 года в городах и 16,3 – в сельской местности. Важно отметить, что подростки до 18 лет попробовали первый раз алкогольный напиток в 14,1 года в городе, 14,5 – в поселках и 14,7 – на селе.

Частота употребления алкоголя также характеризует определенную модель потребления. Некоторые пьют почти ежедневно и по чуть-чуть, другие – каждый день и много, третьи – редко и запойно. Полученные нами данные позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, частота потребления любых алкогольных напитков растет по мере увеличения возраста вне зависимости от места проживания. Иными словами, чем старше индивиды, тем чаще они пьют те или иные алкогольные напитки. Во-вторых, на-

блюдаются пространственные различия в частоте потребления отдельных напитков. Так, на селе и особенно в малых городах высока частота потребления самогона, в городе чаще пьют пиво (рис. 8). Вообще, частота потребления самогона намного превышает частоту употребления других алкогольных напитков в малых городах почти во всех возрастных группах (кроме подростков), а также в сельской местности. Водку чаще пьют в городе лица от 26 лет и старше, подростки и молодежь 18–25 лет – в поселках городского типа. В-третьих, заметны возрастные различия частоты потребления алкоголя. Сельские подростки в среднем 7 дней употребляли самогон за последний месяц, городские – 3,4 дня, в то время как подростки из малых городов чаще пили пиво. Для молодежи 18–25 лет и взрослых 26–45 лет характерно более частое потребление самогона в малых городах и на селе. Городские жители от 18 до 60 лет чаще остальных пьют пиво. Лица в возрасте старше 60 лет употребляли самогон в среднем 4,9 дня в сельской местности, 5,1 дня в городе и 6,5 дня в малых городах.

Различия в мотивах потребления алкогольных напитков между молодежью и взрослыми объясняет разную культуру потребления. Среди подростков максимальные доли тех, кто употребляет алкоголь на улице и в парках – около 31,5% на селе, 35,1% в по-

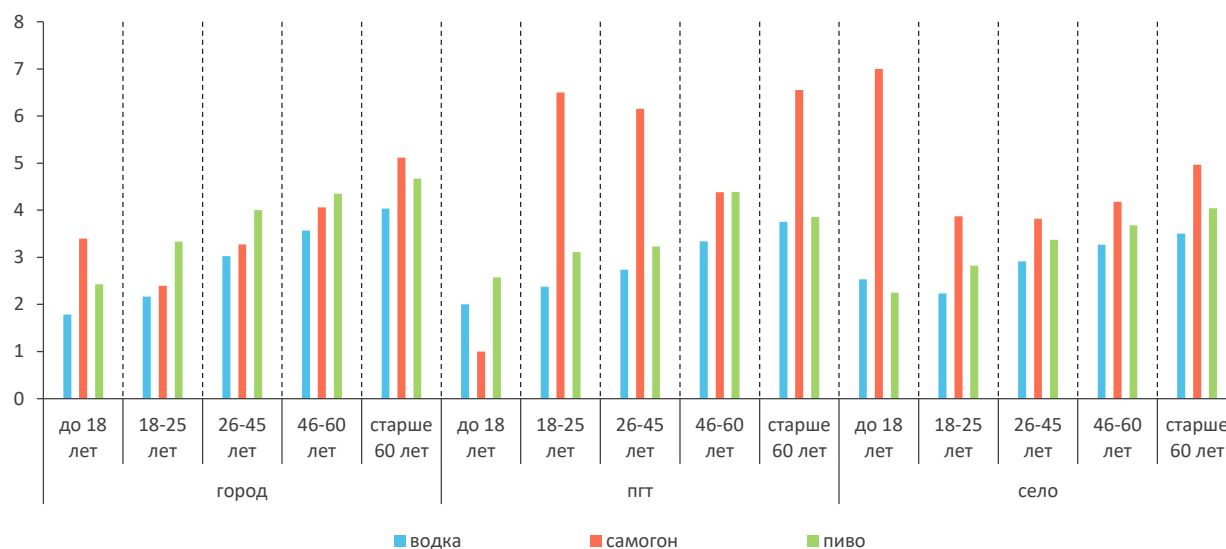

Рис. 8. Среднее количество дней потребления разных спиртных напитков в зависимости от возраста и места проживания респондентов

селках и 44,5% в городах. В барах и ресторанах чаще употребляет алкоголь сельская и поселковая молодежь 18–25 лет (36,2 и 29,3% соответственно), в городе – 17,2%. При этом молодые люди гораздо реже выпивают дома (около 34,6% городских подростков до 18 лет и 41,6% сельских). По мере увеличения возраста люди начинают чаще употреблять спиртные напитки дома и в гостях. Среди молодежи 18–25 лет употребляют алкоголь дома 71,0% горожан и 67,4% сельчан, в возрасте старше 60 лет – уже 92,6% в городе и 88,8% на селе. В гостях чаще выпивают лица 26–45 лет (74,6% жителей малых городов и 76,0% сельчан). По мере увеличения возраста удельный вес употребляющих алкоголь в гостях сокращается, достигая минимума в возрасте старше 60 лет. Если среди лиц 46–60 лет в гостях употребляют алкоголь 71,6% горожан и 69,3% сельчан, то в составе лиц старше 60 лет – только 57,4% жителей городов и 49,6% сельчан. Для взрослых 26–45 лет характерно потребление алкоголя на работе – на это указали 10,5% жителей городов и 12,8% проживающих в сельской местности.

Кроме того, специфические особенности потребления алкоголя подростками до 18 лет (на улице и в парках) обуславливают высокий удельный вес тех, кто выпивает без еды – на это указали 37,5% городских подростков, 37,6% сельских и 45,6% лиц этого возраста, проживающих в поселках городского типа. В составе молодежи 18–25 лет также высока доля употребляющих алкоголь без еды (27,1% на селе, 32,8% в городе и 33,1% лиц, проживающих в малых городах), что объясняется как преобладающим типом мест, в которых они выпивают (на улице, в парках), так и невысокими доходами в этом возрасте, не позволяющими приобрести полноценную «закуску» при потреблении в барах и ресторанах. Абсолютное большинство взрослых (старше 26 лет) употребляют алкогольные напитки во время еды вне зависимости от места проживания. Так, выпивают во время еды около 90,0% лиц в возрасте 46–60 лет и 89,0% тех, кому 26–45 лет, несколько снижается их доля в воз-

расте старше 60 лет (до 88,6% среди горожан до 86,4% на селе). В составе жителей сельской местности отмечен рост удельного веса потребляющих алкоголь до еды по мере увеличения возраста. Если среди лиц 18–25 лет выпивали до еды 28,1%, в составе 26–45-летних – 30,5%, то среди тех, кому старше 60 лет – уже 34,4%. В городе, напротив, по мере увеличения возраста отмечается снижение удельного веса употребляющих алкоголь до еды (от 28,3% среди 26–45-летних до 24,7% в составе лиц старше 60 лет).

Таким образом, возраст является важным фактором дифференциации моделей и культуры потребления алкогольных напитков. Во многом это обусловлено различиями в мотивах потребления алкоголя. Молодежь чаще употребляет алкоголь с целью снятия напряженности, облегчения психологической адаптации и соответствия нормам молодежного сообщества, в то время как в старшем возрасте – для повышения социальной активности, принятия привычек и моделей поведения ближайшего окружения или с целью преодоления жизненных трудностей. Поэтому молодежь чаще употребляет алкоголь на улице, в парках, в барах и без еды. Лица старшего возраста чаще выпивают дома, иногда в гостях, во время или до еды. Молодежь чаще употребляет пиво (на селе больше остальных) и качественные напитки (вина, коньяк и виски), особенно в городах. У лиц 26–45 лет возрастает потребление водки и в меньшей степени самогона, особенно на селе. По мере увеличения возраста происходит постепенное смещение потребления в сторону водки и самогона, достигая максимума в возрасте 46–60 лет и несколько меньше среди лиц старше 60 лет. Причем горожане по-прежнему чаще пьют качественные напитки вне зависимости от возраста, в то время как сельчане – водку и самогон, чем старше становятся, тем больше.

Взаимосвязь с удовлетворенностью жизнью

В зарубежной практике есть много работ, посвященных исследованию взаимосвязи потребления алкоголя и благополучия. Исследование на примере Новой Зеландии выявило отрицательную корреляцию меж-

ду совокупным эвдемоническим благополучием населения (с точки зрения достижения значимых целей) и потреблением алкоголя, и эта связь усиливалась по мере того, как употребление алкоголя приближалось к злоупотреблению (Parackal, Parackal, 2017). Авторы пришли к выводу, что употребление алкоголя в низких или умеренных дозах положительно влияет на субъективное ощущение счастья, в то время как в больших количествах – отрицательно. Исследование финских ученых показывает, что запой и чрезмерное употребление алкоголя связаны с более низким как эвдемоническим, так и гедоническим благополучием (с точки зрения физического благополучия и получения удовольствий от жизни) (Mäkelä et al., 2015). Обнаружено, что легкое или умеренное употребление алкоголя не имеет никакого отношения к плохому психическому самочувствию; однако выявлен порог потребления, после которого количество выпитого сильно коррелировало с плохим психическим самочувствием (Lang et al., 2007). В ходе исследования, проведенного в Англии, изучена взаимосвязь между алкоголем и самочувствием. Доказано, что как для абстинентов (непьющих), так и сильно пьющих людей с большей вероятностью характерно плохое самочувствие (Awaworyi Churchill, Farrel, 2017). Умеренное потребление алкоголя было связано с более высоким психическим благополучием по сравнению с людьми, которые пили больше или воздерживались. Кроме того, другое исследование в Великобритании продемонстрировало двунаправленную причинно-следственную связь между уровнем потребления алкоголя и психическим благополучием: выпивающие большие порции алкоголя люди демонстрировали более низкое психическое благополучие, чем все другие категории пьющих. Самый высокий показатель психического благополучия зафиксирован среди выпивающих малые и умеренные порции. С другой стороны, есть исследования, доказывающие, что неудовлетворенность жизнью и пагубное употребление алкоголя взаимно предсказывают друг друга: чем

сильнее употребляется алкоголь, тем выше неудовлетворенность жизнью (Koivumaa-Honkanen et al., 2012).

Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о наличии зависимости интенсивности употребления алкоголя от степени удовлетворенности жизнью. Под интенсивностью потребления мы понимаем более частое употребление, измеряемое в среднем количестве эпизодов употребления за последний месяц (среднее количество дней употребления), и средний размер разовой порции. Учитывая, что одним из главных мотивов употребления алкогольных напитков является стремление справиться с жизненными трудностями, мы предполагаем, что с ростом неудовлетворенности жизнью будет увеличиваться интенсивность потребления алкоголя. При этом полученные результаты позволяют сделать вывод о различиях в интенсивности в зависимости от удовлетворенности у мужчин и женщин и между жителями разных населенных пунктов. Иными словами, мужчины и женщины по-разному реагируют на жизненные трудности посредством употребления алкоголя, равно как и жители больших и малых городов, а также сельской местности.

В результате исследования выявлено две основных модели потребления – когда более высокое потребление связано с высокой удовлетворенностью жизнью (пьют «на радостях» или при хорошей жизни) и, напротив, при недовольстве своей жизнью (пьют «с горя» или при проблемах). Это означает, что наблюдается U-образная кривая потребления, связанная с высоким значением разовой порции алкоголя у лиц, полностью удовлетворенных своей жизнью, которая последовательно сокращается у лиц, выбравших альтернативу «скорее удовлетворен своей жизнью» и «и удовлетворен, и нет». По мере снижения удовлетворенности разовая порция начинает резко увеличиваться, достигая, как правило, максимальных значений у лиц, совершенно не довольных жизнью (переход ко второй модели потребления – «при проблемах»).

Причем данная зависимость характерна только для разовой порции алкоголя. Среднее число дней потребления последовательно увеличивается по мере снижения удовлетворенности жизнью. Иными словами, довольные жизнью пьют больше за раз, но реже, в то время как недовольные – чаще и очень много за раз.

Больше всего эти различия заметны у жителей городов. Для городских мужчин, полностью удовлетворенных своей жизнью, отмечены высокие разовые порции всех видов алкогольных напитков. Они пьют в среднем 3,98 раза в месяц по 1156,4 мл пива, 3,89 раза по 332,8 мл самогона и 3,87 раза по 298,4 мл водки (табл. 2). Совершенно недовольные своей жизнью мужчины пьют 6,24 раза по 1105,1 мл пива, 6,59 раза по 389,1 мл самогона и 5,07 раза по 348,2 мл водки. Для городских женщин тенденция схожая: они пьют больше и чаще пиво, когда довольны, и больше самогона, если не довольны. Частота потребления любых напитков у недовольных женщин возрастает (максимально для потребляющих самогон – 3,93 раза в месяц), разовая порция водки приблизительно одинаковая у довольных и недовольных, порция пива – у недовольных меньше, чем у довольных, но они пьют чаще.

Для жителей сельской местности характерны несколько иные тенденции. Довольные жизнью мужчины пьют меньше, чем недовольные. По мере роста недовольства жизнью увеличивается частота употребления пива (с 3,37 до 4,70 раза в месяц) при приблизительно одинаковой порции и водки (с 3,06 до 4,61 раза) с увеличением разовой порции с 311,5 до 359,2 мл. Больше всего неудовлетворенность жизнью у сельских мужчин связана с ростом интенсивности потребления самогона: полностью довольные пьют 3,07 раза в месяц по 272,2 мл, в то время как недовольные – 6,54 раза по 399,3 мл одновременно. Полностью довольные своей жизнью сельские женщины чаще пьют водку (в среднем 2,19 раза в месяц по 181,7 мл) по сравнению с довольными в той или иной степени. Частота потребления пива женщинами на селе уве-

личивается вместе с ростом недовольства жизнью (от 2,57 раза среди полностью довольных до 4,06 раза среди совершенно недовольных) при одинаковой разовой порции. Наибольший рост интенсивности потребления алкоголя у сельских женщин при росте недовольства жизнью отмечен для самогона (так же как и у сельских мужчин). Если довольные выпивают 2,1 раза в месяц по 173,7 мл, то совершенно недовольные – 5,35 раза по 261,1 мл.

Жители малых городов реагируют на проблемы в жизни иначе. Для мужчин, проживающих в поселках городского типа, не характерна модель потребления крепкого алкоголя «на радостях», довольные жизнью могут выпить пива (максимальная разовая порция), и то редко (минимальная частота). По мере роста неудовлетворенности жизнью растет частота потребления пива (с 3,37 до 5,60 раза) при сокращении порции. Однако интенсивность употребления самогона и водки значительно увеличивается. Мужчины из малых городов характеризуются максимальной частотой употребления самогона вне зависимости от удовлетворенности жизнью. От последней зависит размер разовой порции. Если довольные жизнью мужчины пьют 5,57 раза по 238,7 мл, то совершенно недовольные – 6,19 раза по 370,3 мл. В отношении водки наблюдается схожая ситуация: по мере роста недовольства жизнью увеличивается как частота ее потребления (от 3,32 до 3,99 раза), так и размер разовой порции (от 266,3 до 360,5 мл). Довольные жизнью женщины из малых городов чаще пьют пиво (максимальная разовая порция) и намного реже водку и самогон. Они характеризуются наименьшими показателями частоты употребления любых алкогольных напитков по сравнению с сельскими и особенно городскими довольными женщинами. По мере увеличения недовольства жизнью растет интенсивность потребления ими водки (хотя и в минимальных порциях по сравнению с остальными недовольными женщинами) и особенно самогона (частота максимальная, разовая порция минимальная).

Таблица 2. Пространственные различия в интенсивности потребления алкогольных напитков в зависимости от удовлетворенности жизнью

Удовле- творен- ность жизнью в целом	Мужчины						Женщины					
	средняя разовая порция пива, мл	среднее число эпизодов употреб- ления пива в месяц, раз	средняя разовая порция само- гона, мл	среднее число эпизодов употреб- ления самогона в месяц, раз	средняя разовая порция водки, мл	среднее число эпизодов употреб- ления водки в месяц, раз	средняя разовая порция пива, мл	среднее число эпизодов употреб- ления пива в месяц, раз	средняя разовая порция само- гона, мл	среднее число эпизодов употреб- ления самогона в месяц, раз	средняя разовая порция водки, мл	среднее число эпизодов употреб- ления водки в месяц, раз
Город												
Полно- стью удов- летворен	1156,4	3,98	332,8	3,89	298,4	3,87	815,7	2,99	162,8	2,97	180,0	2,48
Скорее удовле- творен	1042,9	4,37	275,6	3,65	270,2	3,43	708,7	2,84	161,5	2,63	157,4	2,26
И да, и нет	1085,1	4,70	312,0	3,80	292,2	3,68	757,3	2,92	170,9	2,87	165,2	2,23
Не очень удовле- творен	1102,8	5,25	313,1	4,44	303,5	4,14	750,5	2,92	184,7	2,92	163,4	2,40
Совсем не удовле- творен	1105,1	6,24	389,1	6,59	348,2	5,07	774,0	6,42	218,7	3,93	180,2	2,90
Поселки городского типа												
Полно- стью удов- летворен	1349,6	3,03	238,7	5,57	266,3	3,32	735,7	2,34	169,1	1,29	125,8	1,86
Скорее удовле- творен	1149,9	4,05	304,5	6,46	279,6	3,39	695,2	2,36	161,0	2,41	150,3	2,13
И да, и нет	1085,3	4,49	312,4	6,00	310,5	4,10	697,2	2,35	144,0	3,40	157,3	2,08
Не очень удовле- творен	1156,9	4,21	370,3	6,47	327,1	3,40	814,2	2,15	164,5	4,43	151,1	2,00
Совсем не удовле- творен	1136,6	5,60	370,7	6,19	360,5	3,99	711,5	2,77	175,3	5,85	171,9	2,55
Сельская местность												
Полно- стью удов- летворен	1139,7	3,37	272,2	3,07	311,5	3,06	778,2	2,57	173,7	2,10	181,7	2,19
Скорее удовле- творен	1195,1	3,66	328,8	4,14	305,2	3,14	745,4	2,61	166,6	2,22	167,9	1,87
И да, и нет	1159,3	3,85	313,1	4,32	327,1	3,42	692,7	2,44	185,2	2,48	188,3	2,06
Не очень удовле- творен	1148,4	4,08	351,6	5,05	334,0	3,67	705,8	2,71	211,6	2,80	184,0	2,23
Совсем не удовле- творен	1143,5	4,70	399,3	6,54	359,2	4,61	774,3	4,06	261,1	5,35	192,1	3,28

Заключение и обсуждение

Полученные результаты свидетельствуют, что модели потребления алкоголя в России различаются у мужчин и женщин, у молодежи, взрослых и пожилых, а также жителей различных населенных пунктов. Удельный вес потребляющих алкоголь женщин в целом ниже по сравнению с мужчинами, но интенсивность их потребления в отдельных случаях не уступает «мужской». Молодежь с каждым годом пробует алкоголь все раньше, приспособившись обходить «возрастной ценз» продажи алкоголя за счет употребления самогона. Горожане чаще употребляют более дорогие и качественные напитки (сухое вино, коньяк, виски) по сравнению с жителями малых городов и сельской местности, которые пьют в основном самогон и водку. В совокупности с невысокой доступностью качественных услуг здравоохранения в селах и поселках вред от употребления алкоголя обуславливает более низкие показатели состояния здоровья их жителей.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о наличии двух основных моделей потребления алкоголя в зависимости от удовлетворенности своей жизнью. Выпивают как довольные жизнью, так и недовольные. Экономическая нестабильность последних десятилетий в стране, низкий уровень социально-экономического развития села и экономическая депрессия малых городов и поселков, ограниченность возможностей поиска подходящей работы способствуют росту беспокойства и тревог жителей по поводу будущего материального положения и, как следствие, росту неудовлетворенности жизнью. В составе совершенно неудовлетворенных жизнью удельный вес употребляющих алкоголь ниже, но интенсивность потребления выше. Кроме того, отчетливо проявляется тенденция перехода на крепкий алкоголь как у мужчин, так и у женщин. Самогон больше пьют недовольные жизнью сельчане (максимальные порции как у мужчин, так и у женщин), чаще – городские мужчины и женщины из малых городов. Причем по частоте эпизодов употребления самогона недовольные женщины из

сельской местности и малых городов лишь немного уступают недовольным мужчинам (то есть пьют почти так же часто, как и недовольные мужчины). Городские недовольные жизнью женщины пьют намного реже как городских мужчин, так и других женщин. Результаты исследования показывают, что лица, полностью довольные жизнью, употребляют алкоголь так же, как и неудовлетворенные. Это касается в большей степени жителей крупных городов, которые чаще пьют «на радостях», причем как мужчины (пиво, самогон и водку), так и женщины (пиво и водку). Сельские довольные жизнью женщины чаще употребляют пиво, в меньшей степени крепкие напитки. Удовлетворенные своей жизнью женщины из малых городов употребляют алкоголь меньше остальных. Модель употребления алкоголя «на радостях» требует дальнейшего более глубокого изучения с целью выявления ее особенностей в различных социально-демографических группах, пространственных различий, а также соотношения вредного и полезного влияния на физическое и психическое благополучие для выработки решений об отнесении этого типа потребления к негативным, требующим вмешательства извне.

Для эффективного решения проблемы злоупотребления алкоголем в сельской местности необходимо расширять направления государственной поддержки сельского хозяйства и сельских территорий, нацеленные на стимулирование занятости, создание достойных условий труда, повышение доступности качественных социальных услуг, обеспечение высокого уровня и качества жизни жителей села. Реализация государственных инициатив, таких как принятие федерального закона «О развитии сельского хозяйства», приоритетного национального проекта «Развитие АПК», Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг., должна быть дополнена проектами по улучшению поведенческих факторов здоровья населения. Необходима разработка и реализация региональных це-

левых программ по борьбе с вредным воздействием алкоголя, учитывающих, с одной стороны, специфику региональных (территориальных) трендов, с другой – включающих специфические комплексы мер по наркологической, психологической, меди-

цинской и другой помощи. Особое значение в системе мер по снижению потребления алкоголя должны иметь инструменты, нацеленные на помощь населению в кризисные периоды (экономический кризис, пандемия, локдаун).

ЛИТЕРАТУРА

- Гремченко Е.П., Рощина Я.М. (2016). Факторы склонности к здоровому образу жизни // Вестн. Рос. мониторинга экон. положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Вып. 6 / отв. ред. П.М. Козырева. С. 118–163.
- Рощина Я.М. (2019). Рискованное потребление алкоголя в России // Вестн. Рос. мониторинга экон. положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Вып. 9 / отв. ред. П.М. Козырева. С. 108–133. DOI: 10.17323/978-5-7598-2038-3_108-133
- Awaworyi Churchill S., Farrell L. (2017). Alcohol and depression: Evidence from the 2014 health survey for England. *Drug Alcohol Depend*, 180, 86–92. DOI: 10.1016/j.drugalcdep.2017.08.006
- Burruss K., Sacco P., Smith C.A. (2015). Understanding older adults' attitudes and beliefs about drinking: Perspectives of residents in congregate living. *Ageing Society*, 35 (9), 1889–1904. DOI: 10.1017/S0144686X14000671
- Chaiyasong S., Huckle T., Mackintosh A.-M., Meier P., Parry Ch., Callinan S., Cuong P., Kazantseva E., Gray-Phillip G., Parker K., Casswell S. (2018). Drinking patterns vary by gender, age and country-level income: Cross-country analysis of the International Alcohol Control Study. *Drug and Alcohol Review*. Special Issue: International Alcohol Control Study, 37 (S2), S53–S62. DOI: <https://doi.org/10.1111/dar.12820>
- Dare J., Wilkinson C., Allsop S., Waters S., McHale S. (2014). Social engagement, setting and alcohol use among a sample of older Australians. *Health Social Care Community*, 22, 524–532. DOI: 10.1111/hsc.12110
- Jackson S., Garnett C., Shahab L. et al. (2020). Association of the COVID-19 lockdown with smoking, drinking and attempts to quit in England: An analysis of 2019–20 data. *Addiction*. DOI: 10.1111/add.15295
- Kelly S., Olanrewaju O., Cowan A., Brayne C., Lafortune L. (2018). Alcohol and older people: A systematic review of barriers, facilitators and context of drinking in older people and implications for intervention design. *PLoS One*, 13 (1), e0191189. DOI: 10.1371/journal.pone.0191189
- Koivumaa-Honkanen H., Kaprio J., Korhonen T., Honkanen R.J., Heikkilä K., Koskenvuo M. (2012). Self-reported life satisfaction and alcohol use: A 15-year follow-up of healthy adult twins. *Alcohol and Alcoholism*, 47 (2), 160–168. Available at: <https://doi.org/10.1093/alcalc/agr151>
- Kuntsche E. (2005). Why do young people drink? A review of drinking motives. *Clinical Psychology Review*, 25 (7), 841–861.
- LaBrie J., Hummer J., Pedersen E. (2007). Reasons for drinking in the college student context: The differential role and risk of the social motivator. *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*, 68 (3), 393.
- Lang I., Wallace R., Huppert F., Melzer D. (2007). Moderate alcohol consumption in older adults is associated with better cognition and well-being than abstinence. *Age Ageing*, 36 (3), 256–261.
- Mäkelä P., Raitasalo K., Wahlbeck K. Mental health and alcohol use: a cross-sectional study of the Finnish general population. *European Journal of Public Health*, 2015, 25 (2), 225–231.
- Massin S., Kopp P. (2014). Is life satisfaction hump-shaped with alcohol consumption? Evidence from Russian panel data. *Addictive Behaviors*, 39, 803–810.
- Parackal M., Parackal S. (2017). Implication of alcohol consumption on aggregate wellbeing. *Perspectives in Public Health*, 137 (4), 220–226.
- Rehm J., Room R., Monteiro M., Gmel G., Graham K., Rehn N., Sempos C., Frick U., Jernigan D. (2004). Alcohol use. In: Ezzati M., Lopez A., Rodgers A., Murray C. (Eds.). *Comparative quantification of health risks: global and regional burden of disease attributable to selected major risk factors*. Geneva: WHO.
- Reynolds C., Purdy J., Rodriguez L., McAvoy H. (2020). Factors associated with changes in consumption among smokers and alcohol drinkers during the COVID-19 'lockdown' period. *European Journal of Public Health*, 1–6. DOI: 10.1093/eurpub/ckab050

- Rolland B., Haesebaert F., Zante E. et al. (2020). Global changes and factors of increase in caloric/salty food, screen, and substance use, during the early COVID-19 containment phase in France: A general population online survey. *JMIR Public Health Surveill*, 6 (e19630). DOI: 10.2196/19630
- Sather S., Knapstad M., Askeland K., Skogena J. (2019). Alcohol consumption, life satisfaction and mental health among Norwegian college and university students. *Addiction Behavior Report*, 10, 100216. DOI: 10.1016/j.abrep.2019.100216
- Veerbeek M., Have M., van Dorsselaer S., Voshaar R., Rhebergen D., Willemse B. (2019). Differences in alcohol use between younger and older people: Results from a general population study. *Drug Alcohol Depend*, 202, 18–23. DOI: 10.1016/j.drugalcdep.2019.04.023
- Wilson G., Kaner E., Crosland A., Ling J., McCabe K., Haighton C. (2013). A qualitative study of alcohol, health and identities among UK adults in later life. *PLoS ONE*, 8 (e71792). DOI: 10.1371/journal.pone.0071792

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Александровна Вяльшина – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем, ФИЦ «Саратовский научный центр Российской академии наук» (Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94; e-mail: anvyal@mail.ru)

Vyal'shina A.A.

ALCOHOL CONSUMPTION BY THE RUSSIAN POPULATION: SPATIAL, AGE AND GENDER FEATURES

The article presents an analysis of spatial, age and gender differences in alcohol consumption by the country's population. Based on the data of the Russian monitoring of the economic situation and health of the population for 1994–2019, we have revealed a sharp jump in the proportion of people who consumed alcohol in all types of settlements in 2006, due to an increase in effective demand. The research shows that citizens use vodka more often, but in smaller single portions, compared to residents of other localities. The consumption of moonshine is higher in small towns and villages, where people drink more often and in large single portions. The smaller the locality, the more the proportion of women, consumed alcohol during the period under review (from 33.4% in cities to 49.6% in urban settlements and 54.7% in rural areas). The share of men drinking in the city has increased by 7.0%, in rural areas it has decreased by 4.8%. Age-related consumption features are associated with the predominance of beer and wine consumption among young people aged 18–25 with a gradual increase in the proportion of vodka and moonshine as the age increases. We have noted a decrease in the age of the first alcohol sample in each subsequent generation. The paper proves that young people aged 18–25 are more likely to drink alcoholic beverages on the street, in parks and bars, often before meals and without food, while older people are at home and/or visiting and during meals. We have revealed the main patterns of alcohol consumption (“for joy” and “out of despair”) and their gender features in settlements of different populousness. The results can serve as a basis for differentiating measures to combat alcohol abuse, aimed at different socio-demographic groups.

Alcohol consumption, spatial differences, age groups, gender differences, life satisfaction.

REFERENCES

- Awaworyi Churchill S., Farrell L. (2017). Alcohol and depression: Evidence from the 2014 health survey for England. *Drug Alcohol Depend*, 180, 86–92. DOI: 10.1016/j.drugalcdep.2017.08.006
- Burruss K., Sacco P., Smith C.A. (2015). Understanding older adults' attitudes and beliefs about drinking: Perspectives of residents in congregate living. *Ageing & Society*, 35(9), 1889–1904. DOI: 10.1017/S0144686X14000671
- Chaiyasong S., Huckle T., Mackintosh A.-M. et al. (2018). Drinking patterns vary by gender, age and country-level income: Cross-country analysis of the International Alcohol Control Study. *Drug and Alcohol Review*. Special Issue: International Alcohol Control Study, 37(S2), S53–S62. DOI: 10.1111/dar.12820
- Dare J., Wilkinson C., Allsop S., Waters S., McHale S. (2014). Social engagement, setting and alcohol use among a sample of older Australians. *Health Social Care Community*, 22, 524–532. DOI: 10.1111/hsc.12110
- Gremchenko E.P., Roshchina Ya.M. (2016). Factors of propensity to a healthy lifestyle. *Vestnik Rossiiskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VShE=Bulletin of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Public Health of the HSE*, 6, 118–163 (in Russian).
- Jackson S., Garnett C., Shahab L. et al. (2020). Association of the COVID-19 lockdown with smoking, drinking and attempts to quit in England: An analysis of 2019–20 data. *Addiction*. DOI: 10.1111/add.15295
- Kelly S., Olanrewaju O., Cowan A., Brayne C., Lafortune L. (2018). Alcohol and older people: A systematic review of barriers, facilitators and context of drinking in older people and implications for intervention design. *PLoS One*, 13(1), e0191189. DOI: 10.1371/journal.pone.0191189
- Koivumaa-Honkanen H., Kaprio J., Korhonen T. et al. (2012). Self-reported life satisfaction and alcohol use: A 15-year follow-up of healthy adult twins. *Alcohol and Alcoholism*, 47(2), 160–168. Available at: <https://doi.org/10.1093/alcalc/agr151>
- Kuntsche E. (2005). Why do young people drink? A review of drinking motives. *Clinical Psychology Review*, 25(7), 841–861.
- LaBrie J., Hummer J., Pedersen E. (2007). Reasons for drinking in the college student context: The differential role and risk of the social motivator. *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*, 68(3), 393.
- Lang I., Wallace R., Huppert F., Melzer D. (2007). Moderate alcohol consumption in older adults is associated with better cognition and well-being than abstinence. *Age Ageing*, 36(3), 256–261.
- Mäkelä P., Raitasalo K., Wahlbeck K. Mental health and alcohol use: A cross-sectional study of the Finnish general population. *European Journal of Public Health*, 2015, 25(2), 225–231.
- Massin S., Kopp P. (2014). Is life satisfaction hump-shaped with alcohol consumption? Evidence from Russian panel data. *Addictive Behaviors*, 39, 803–810.
- Parackal M., Parackal S. (2017). Implication of alcohol consumption on aggregate wellbeing. *Perspectives in Public Health*, 137(4), 220–226.
- Rehm J., Room R., Monteiro M. et al. (2004). Alcohol use. In: M. Ezzati, A. Lopez, A. Rodgers, C. Murray (Eds.). *Comparative quantification of Health Risks: Global and Regional Burden of disease attributable to Selected Major Risk Factors*. Geneva: WHO.
- Reynolds C., Purdy J., Rodriguez L., McAvoy H. (2020). Factors associated with changes in consumption among smokers and alcohol drinkers during the COVID-19 “lockdown” period. *European Journal of Public Health*, 1–6. DOI: 10.1093/eurpub/ckab050
- Rolland B., Haesebaert F., Zante E. et al. (2020). Global changes and factors of increase in caloric/salty food, screen, and substance use, during the early COVID-19 containment phase in France: A general population online survey. *JMIR Public Health Surveill*, 6(e19630). DOI: 10.2196/19630
- Roshchina Ya.M. (2019). Risky alcohol consumption in Russia. *Vestnik Rossiiskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VShE=Bulletin of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Public Health of the HSE*, 9, 108–133. DOI: 10.17323/9785759820383_108133 9in Russian).
- Sæther S., Knapstad M., Askeland K., Skogena J. (2019). Alcohol consumption, life satisfaction and mental health among Norwegian college and university students. *Addiction Behavior Report*, 10, 100216. DOI: 10.1016/j.abrep.2019.100216
- Veerbeek M., Have M., van Dorsselaer S. et al. (2019). Differences in alcohol use between younger and older people: Results from a general population study. *Drug Alcohol Depend*, 202, 18–23. DOI: 10.1016/j.drugalcdep.2019.04.023

Wilson G., Kaner E., Crosland A. et al. (2013). A qualitative study of alcohol, health and identities among UK adults in later life. *PLoS ONE*, 8(e71792). DOI: 10.1371/journal.pone.0071792

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Vyal'shina – Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher, Institute of Agrarian Problems – Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (94, Moskovskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: anvyal@mail.ru)